

М. Я. Гольберг, проф.,
Дрогобычский пединститут

Текст и его интерпретатор (о литературоведческой концепции А. В. Чичерина)

«Радость видеть и понимать есть самый прекрасный дар природы» [11, с. 68], — говорил Альберт Эйнштейн. Именно этим афоризмом хочется начать обзор трудов А. В. Чичерина, ученого, педагога, мастера слова, который тонко, проникновенно понимал великий гуманистический смысл литературы, чувствовал неповторимое звучание каждого произведения.

Художественное произведение — сложный, богатый, многогранный и многозначный мир. Как постичь законы этого мира? Как познать его отношения с реальностью? Существовало два ответа на этот вопрос. Один из них, наиболее полно выраженный в свое время немецким философом В. Дильтеем, сводится к тому, что ученый должен «вчувствоваться» в изучаемый им художественный мир, войти в него, отождествиться с ним, отрешившись от самого себя [см.: 8, с. 97—100]. Другой ответ сформулирован М. М. Бахтиным: «В области культуры внеаходимость — самый могучий рычаг понимания» [1, с. 334].

В действительности всякий акт гуманитарного познания по существу является двуединым актом, предполагающим наряду с максимальным вчувствованием в объект столь же максимальное отстранение от него, дистанцирование [6, с. 17—18].

А. В. Чичерин на практике разрешил антиномию такого познания. Проникая в «секреты» поэтического творчества, постигая глубинный смысл изучаемых произведений, он шел к глубокому пониманию закономерностей историко-литературного и историко-культурного процесса.

Уже в первых своих работах А. В. Чичерин проявил большой интерес к проблемам художественной формы. Характерными были сами их заглавия: «Культура слова в школе» (1924), «Что такое художественное воспитание?» (1927), «Литература как искусство слова» (1928). Позднее, обогащенный большим опытом педагогической работы, А. В. Чичерин вернулся к тем же проблемам, но внес в их решение много новых моментов.

Две темы являются сквозным и для научного творчества А. В. Чичерина: судьба романа в мировой литературе XVII—XX ст. и свойства художественного слова, т. е. сущность ху-

дожественного стиля как содержательной формы. Этим проблемам посвящены его кандидатская (1945) и докторская (1957) диссертации. Первая из них имела название: «Формирование романа в России и на Западе в XVIII—XIX вв.»; вторая — «Роман-эпопея в литературе критического реализма».

Исследования А. В. Чичерина о романе сразу же привлекли внимание и специалистов, и широких кругов читателей.

В 1954 г. ученый опубликовал книгу «О языке и стиле романа «Война и мир» — работу принципиально важную, поскольку она была как бы эскизным наброском тех положений, которые получают свое развитие в последующих исследованиях. Речь, в частности, шла о связи между языком произведения и его жанровой природой.

Анализируя стиль произведения Льва Толстого, А. В. Чичерин сделал вывод о том, что «Война и мир» является образцом новой жанровой формы — романа-эпопеи. Как программа дальнейших исследований прозвучали слова: «Роман-эпопея — на столбовой дорожке литературы» [16, с. 73].

Важной была и мысль о том, что «изучение языка в эстетическом и литературоведческом плане ценно только тогда, когда оно имеет практическое значение — углубляет понимание текста и вводит читателя в лабораторию мастера» [16, с. 3]. Впоследствии в предисловии ко второму изданию книги «Идеи и стиль» ученый напишет о таком изучении литературного произведения, которой «последовательно служит цели более глубокого, тонкого, научного понимания текста и не чурается задачи воспитывать восприимчивого и взыскательного читателя» [14, с. 5]. Воспитание читателя — проблема, которой Алексей Владимирович постоянно уделял большое внимание.

О сложнейших филологических проблемах А. В. Чичерин умел говорить просто, образно, взволнованно. Об этом свидетельствует монография «Возникновение романа-эпопеи» (1958; второе издание — 1975) — результат многолетних разысканий. Книга отличалась от других работ о жанрах и жанровых формах тем, что, как определял сам автор, изучение жанровой структуры было подчинено другой, более широкой задаче — выработке методики литературоведческого, смыслового изучения стиля.

Вопрос об определении жанра и его природы на сегодня является одним из наиболее сложных и дискуссионных. Многие исследователи утверждают мысль о системном характере жанра: «Жанр — система, и каждая сторона в нем получает смысл только в совокупности с другими. Взаимосвязь между жанром и его элементами диалектична: изменение объема, характера, сюжета, композиции не проходит бесследно для жанра. Жанр в свою очередь держит их в сфере своего влияния, воздействуя на способы решения характера, сюжета и т. п.» [10, с. 38]. Жанр, как определяет другой исследователь, организует «все компоненты произведения в систему, порождаю-

щую целостный образ мира, который единственно может быть носителем определенной эстетической концепции» [7, с. 11]. В утверждении системного характера жанра значительную роль сыграла и книга А. В. Чичерина «Возникновение романа-эпопеи». Ученый так писал об исходных положениях своего труда: «...все элементы стиля, начиная с лексики, начиная с эпитета, включая синтаксическую структуру, рассматриваются исторически, в развитии от Пушкина до Толстого и с точки зрения строгого единства содержания и формы, как та или иная СИСТЕМА ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ» [13, с. 7]. Развивая эту мысль, А. В. Чичерин замечает: «...своеобразие романа-эпопеи обнаруживается не только в композиции, но — с не меньшей ясностью — и в языке, и в строении образа, во всем составе произведения» [13, с. 145].

Книга о возникновении романа-эпопеи была интересной в том отношении, что в ней А. В. Чичерин объединил изучение историко-литературного процесса с рассмотрением отдельных произведений во всей их неповторимости. Хотелось бы, например, указать на главы, посвященные «Жан-Кристофу» Р. Роллана и форсайтовскому циклу Д. Голсуорси.

В главе о произведении Р. Роллана ученый ставит и решает важные теоретические проблемы: о соотношении традиции и новаторства в историко-литературном процессе, о роли литературных контактов в творческом развитии писателя. Но и здесь более всего его интересует жанровое и стилистическое своеобразие «Жан-Кристофа». Он показывает, как каждая клеточка художественного произведения, каждая, говоря его словами, «стилистическая молекула» отражает характерное для писателя мировоззрение, а вместе с тем связана со сложным, богатым, динамичным миром культуры, с общественной жизнью и политической борьбой.

Остро полемичная глава о форсайтовском цикле возникла как отклик на дискуссию о произведении Голсуорси, организованную журналом «Вопросы литературы» в 1958 г. Включившись в эту дискуссию, А. В. Чичерин высказал ряд принципиальных положений, которые внесли много нового в понимание творчества Голсуорси и вместе с тем в освещение важных проблем теории реализма. Речь шла, в частности, о сущности реалистического образа, об особенностях типизации в искусстве.

А. В. Чичерин показал, как в форсайтовском цикле отразилось движение истории, а также выявил особенности реализма Голсуорси.

Важная веха в творческой биографии ученого — книга «Идеи и стиль» (1965; второе издание — 1968). Сам А. В. Чичерин отмечал: «То понимание стиля, которое было сердцевинной «Возникновения романа-эпопеи» получает здесь дальнейшее обоснование и развитие» [14, с. 3]. В литературоведческом исследовании, подчеркивал А. В. Чичерин, проблему стиля необходимо увязывать с другими проблемами: «...первый при-

цип литературоведческого изучения языка художественных произведений — в глубоком понимании связи языка и мысли, в понимании того, что в строе речи, в частности в применении тех или других частей речи, в эпитетах, метафорах, сравнениях, в устойчивых особенностях синтаксиса, — во всем этом сказывается характерное для автора восприятие жизни, понимание человека и общества» [14, с. 21].

Положения А. В. Чичерина созвучны мыслям В. М. Жирмунского, который писал: «Художественный стиль писателя представляет выражение его мировоззрения, воплощенное в образах языковыми средствами. Поэтому художественный стиль невозможно изучать в отрыве от идейно-образного содержания произведения» [5, с. 410]. Искания А. В. Чичерина неотделимы от истории советского литературоведения. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что ученый часто выступает как создатель новых оригинальных научных концепций, новой методики в изучении стиля. Не случайно авторы четырехтомной «Типологии литературных стилей» неоднократно обращаются к работам А. В. Чичерина, отмечая их новаторское значение [см., напр.: 12, с. 301, 377—400].

В 1959—1960 гг. А. В. Чичерин, который всегда проявлял интерес к деятельности А. А. Потебни, вновь обратился к его трудам в связи с подготовкой к 125-летию со дня рождения выдающегося филолога. Результатом этого был блестящий доклад «Учение А. А. Потебни о языке и стилистических средствах произведения», прочитанный на III Республиканской славистической конференции в Харькове в январе 1960 г. Этот доклад был положен в основу одного из разделов книги «Идеи и стиль». А. В. Чичерин углубил и расширил учение А. А. Потебни о внутренней форме слова. Он рассматривает ее как смысловую категорию, которая «сказывается и в особо характерном для произведения слове, и в строе его речи, и в образах, и в идеях, и в главном, все образующем строе произведения в целом. Внутренняя форма «разъясняет композицию, предотвращает формалистическое ее понимание» [14, с. 52].

Взгляды Чичерина на любой компонент поэтики, имеющий в своих истоках «познание», проникновение в «глубины вещей», оказались очень перспективными для выявления сложнейших взаимозависимостей во всех звеньях композиционной структуры произведения. Они позволили объяснить пути стилистического выражения идейного содержания, живого течения мысли в таких громадных и сложных поэтических творениях, как романы Л. Толстого и Достоевского [9, с. 204].

В книге «Идеи и стиль», кроме теоретических разделов, есть и историко-литературные. А. В. Чичерин обращается к произведениям Гете, Бальзака, Чехова, Яна Неруды. Он продолжает также изучение стиля тех писателей, о которых шла речь в предыдущей монографии, — Пушкина, Толстого, Голсуорси. Как-то известный историк А. Я. Гуревич заметил:

«Источник начинает «говорить» по-новому, если историк подходит к нему с новыми вопросами и новой, нетрадиционной методикой» [4, с. 83]. Это положение является верным и по отношению к А. В. Чичерину. В одном из разделов монографии «Возникновение романа-эпопеи» был раздел о форсайтовском цикле Голсуорси. В книге «Идеи и стиль» ученый вновь обращается к этому произведению и посвящает ему главу «Цельность форсайтовского цикла». Используя результаты своего предыдущего исследования, но не повторяя их, А. В. Чичерин ставит новые вопросы, выдвигает новые проблемы, фиксирует новые наблюдения. При этом он значительно углубляет то понимание художественной целостности, которое было им дано в прежних работах. Исследователь очень тонко истолковывает образы-лейтмотивы (особенно Робин-Хилла), глубоко анализирует реминисценции из Шекспира. Особый интерес вызывает освещение им вопроса о художественном времени в произведении Голсуорси. А. В. Чичерин показывает, как английский романист наполняет свои образы временем.

Из многих проблем книги «Идеи и стиль» хотелось бы остановиться еще на одной. Во введении автор писал: «Ученый может, должен иметь свой стиль... Стиль есть у того ученого, который вместе с тем, что он ученый, есть еще и настоящий писатель, художник» [14, с. 7]. А. В. Чичерин владел самобытным стилем, отражающим своеобразие видения мира, оригинальный подход к явлениям литературы и искусства. В его трудах звучат интонации живой, сочной, образной речи, обращенной к широкой аудитории. Стиль Чичерина имеет еще одну особенность. Это стиль ученого, который одновременно был педагогом, талантливым лектором. Из лекций, из живого общения со студентами и аспирантами вырастают и некоторые его работы. Это относится, в частности, к книге «Ритм образа» (1973; второе издание — 1980).

Если в предшествующих трудах речь шла о жанрово-стилистических особенностях преимущественно повествовательной прозы, то в книге «Ритм образа» два раздела посвящены стилю лирической поэзии: «Образ времени в лирике Пушкина» и «Образ времени в лирике Тютчева». Повышенный интерес к проблеме художественного пространства и времени, который наблюдается, объясним, в частности, тем, что «временные и пространственные координаты... оказываются не только каркасом произведения, но и одним из действенных способов организации его содержания» [2, с. 228]. Вопрос о понимании времени, о его восприятии является одним из показателей, характеризующих ту или иную культуру, с ним связано мировосприятие эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к миру природы и окружающим их вещам [3, с. 84]. А. В. Чичерин прослеживает, как концепция времени проявляет себя в каждой «молекуле» произведения. С этой точки зрения рассмотрены тютчевские эпитеты, несущие

щие на себе большую смысловую нагрузку. На примере поэзии Тютчева ученый показывает особенности лирики как жанра, в котором каждое слово является носителем глубокого смысла.

В «Ритме образа» большое внимание автор уделяет сравнительному изучению стиля как в плане типологическом, так и в плане генетическом и контактном. Речь идет об отображении в истории стиля важных сторон развития художественной культуры.

Весьма перспективным было выдвинутое А. В. Чичериным понятие продуктивности стиля: «Думаю, что понятие исторической продуктивности стиля — такой этап в изучении стиля, который по-новому открывает характер содержательности и действенности стиля» [19, с. 24]. Так обосновывается историко-функциональный подход к стилю. Происходит объединение сравнительно-исторического подхода с углубленным анализом своеобразия «стилистических молекул»; в поле зрения исследователя историко-литературных контактов и типологических схождений входят особенности стилистики и поэтики сравниваемых произведений.

А. В. Чичерин впервые в отечественном литературоведении обозначил и охарактеризовал одно из фундаментальных явлений в истории литературы и на конкретных примерах показал, что продуктивность стиля — это проявление общих закономерностей развития культуры.

Развивая свои положения о смысловой значимости стиля и его компонентов, А. В. Чичерин обращается к ритму как к одному из органических элементов целостного отображения действительности, к ритмической структуре образа. Он отмечает: «...ритм в основе образа и системы оказывается одним из наиболее тонких и точных двигателей смысловой энергии, смыкаясь с идеей особенно прочно» [19, с. 5].

Во второе издание «Ритма образа» автор включил восемь новых разделов. Некоторые из них посвящены истории изучения поэтического слова: «Для чего изучать литературный стиль?» и «Размышления о Бахтине». Первый подводил итог многолетним разысканиям А. В. Чичерина: «Изучение стиля ведет к пониманию глубинных процессов в истории литературы и активно обогащает литературу завтрашнего дня» [19, с. 237]. Ученый снова формулирует важнейшую мысль: «Стилистическое исследование становится **НАИВЫСШЕЙ ШКОЛОЙ, ФОРМИРУЮЩЕЙ НАСТОЯЩЕГО ЧИТАТЕЛЯ**» [19, с. 235]. В связи с этим рассмотрены некоторые подходы к изучению стиля, названы исследователи, которые близки А. В. Чичерину, и те, с кем он решительно не соглашался. Особенно неприемлемы для него русские формалисты. Ученый обвиняет их в том, что «само искусство слова считали они бесцельным, выражением ради выражения... вводили бутафорскую фразеологию, мнимо научную, засорившую нашу науку» [19, с. 229]. Здесь вряд ли можно полностью согласиться с А. В. Чичериным. Сегодня уже ясно, что то направление,

которое столь неудачно было названо русским формализмом, внесло немало ценного и в русское, и в мировое литературоведение. Именно так называемые формалисты, выступая и против крайностей культурно-исторической школы и против интуитивизма, много сделали в плане исследования искусства слова, его специфики, внутренних законов построения произведения. Другое дело, что ни одна исследовательская методика не может претендовать на универсальное значение. Для А. В. Чичерина также характерно пристальное внимание к тексту, но сам текст он рассматривает как часть чего-то более значительного, как отражение работы духа, творческого сознания, мира идей. И если представители формальной школы отклонялись от антропологических моментов текста, то для А. В. Чичерина именно они имеют решающее значение. При всех существенных различиях оба направления не столько исключают, сколько дополняют друг друга.

Весьма показательны «Размышления о Бахтине». Значение трудов М. М. Бахтина бесспорно. Его идеи оказали влияние не только на литературоведение, но и на гуманитарную сферу в целом. А. В. Чичерин оценивал М. М. Бахтина как выдающегося, глубоко мыслящего литературоведа, внесшего много нового в решение кардинальных теоретических проблем. В то же время ученый указал и на свои расхождения с Бахтиным. Если отбросить частности, то основу их составляет опять-таки различный подход к поэтическому слову. Подчиняя понимание поэтического стиля своей теории диалога, М. М. Бахтин почти не обращался к микроанализу отдельных произведений. Он создавал философски-семиотическое литературоведение, оперирующее только крупномасштабными категориями и не рассматривающее те «стилистические молекулы», которые постоянно находились в поле зрения А. В. Чичерина. Но невозможно понять природу целого, не проникнув в тайны этих его первоэлементов. И поэтому в какой-то мере А. В. Чичерин прав, говоря о «чрезмерной гегельянской дальнозоркости Бахтина», «благодаря которой видимыми становятся эпохи, литературные жанры, тогда как авторы становятся неприметными» [19, с. 320],

Разумеется, вопрос о двух подходах к проблемам стилистики требует специального рассмотрения. Но уже сейчас можно со всей определенностью сказать, что и эти подходы не исключают, а взаимно дополняют, вернее, могут дополнить друг друга.

Предисловие к первому изданию «Ритма образа», датированное 22 мая 1972 г., ученый заканчивал словами: «...пора уже браться за раскрытие более строгих исторических связей. за первый опыт по истории литературного стиля» [18, с. 7]. И действительно, в 1977 г. увидела свет его книга «Очерки русского литературного стиля». В ней ученый исследует наиболее значительные индивидуальные повествовательные и поэтические стили, их взаимосвязи. Автор исходит из того, что

стиль индивидуален и в такой же мере историчен, поскольку сама индивидуальность — социальна [15, с. 4]. В «Очерках» перед нами снова предстает то, что сейчас называют антропологией текста.

Стилистическая система рассматривается в работе А. В. Чичерина как открытая, динамичная, находящаяся во взаимодействии с другими системами. Во всех разделах «Очерков» присутствует широкий европейский контекст, осуществляется сопоставительный анализ различных стилистических систем. Например, глава о прозе Пушкина, в которой дается сопоставление его стиля со стилем Мериме и Стендаля, помогает понять глубокое своеобразие каждого из этих писателей. Историко-литературный процесс предстает перед нами во всем своем богатстве и разнообразии, как сложное взаимодействие различных стилистических систем.

Понятие системы неотделимо от понятия функции, от рассмотрения взаимоотношений между стилистической системой и ее компонентами. Как отметил в свое время Р. А. Будагов, А. В. Чичерин демонстрирует историческую подвижность функций одних и тех же грамматических средств не только в разные эпохи, но и у писателей одного и того же времени. Примером может быть сопоставление функции «безглагольности» у Тютчева и Фета.

Сейчас многих ученых занимает вопрос о точности гуманитарных наук. У А. В. Чичерина было свое понимание этой проблемы: «Высшая точность в философии, в истории, в филологии — это точность самой мысли, зоркость восприятия, опирающаяся на достоверность изучаемого текста и связанных с ним обстоятельств и фактов. Высшая точность — в очищенном и строгом языке самого исследования» [15, с. 8]. Отметим, что труды самого А. В. Чичерина были реализацией этих требований.

После выхода в свет «Очерков по истории русского литературного стиля» А. В. Чичерин продолжил работу над поднятыми в них проблемами и в 1985 г. появилось новое, дополненное издание этого труда. В него вошла глава о Чехове, к созданию которой ученый шел сложным, нелегким путем.

Будучи филологом высочайшего класса, А. В. Чичерин с одинаковым мастерством анализировал произведения русской и западноевропейских литератур. Так, во второе издание «Ритма образа» ученый включил статью «У истоков французского романа», посвященную произведению Мари де Лафайет «Княгиня де Клэв». Полузабытый роман XVII ст., прочитанный по-новому, прозвучал неожиданно свежо, стал близким и понятным для нас, людей иной эпохи, иного склада мышления. И хотя А. В. Чичерин, как мы видели, далеко не все приемлет в положениях Бахтина, анализ приводит его к мысли о своеобразной диалогической природе «Мадам де Клэв». Роман Мари де Лафайет — это спор с ее постоянным собеседником и другом, спор, идущий на большой глубине и

способный противника одолеть» [19, с. 27]. При этом необходимо обратить внимание на то, с каким мастерством А. В. Чичерин дает обобщающую характеристику шедевра французской прозы, написанного триста лет тому назад.

Особое место в научном исследовании А. В. Чичерина занимает учебное пособие «Произведения О. Бальзака «Гобсек» и «Утраченные иллюзии». Это, по словам самого автора, комментарий к изучаемым в вузе произведениям писателя. Но и здесь ставятся уже известные нам задачи: «совершенствовать самый характер чтения выдающихся произведений прошлого», «усилить восприятие художественного текста» [17, с. 3].

Своеобразным итогом творческого пути ученого была его книга «Сила поэтического слова», в которую вошли статьи, написанные в разные годы [22].

Полная и всесторонняя характеристика вклада А. В. Чичерина в развитие советского литературоведения — дело будущего. Но уже сейчас неоспоримым является вывод: его работы подтверждают положение, что, постигая гуманистическое звучание текста, литературовед или критик тем самым утверждает и себя, свою способность вести диалог с произведением.

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Гей Н. К. Время и пространство в структуре произведения // Контекст-1974. М., 1975.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
4. Гуревич А. Я. Что такое исторический факт? // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969.
5. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. М., 1979.
6. Косиков Г. К. Зарубежное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе. Зарубежная эстетика и теория литературы. М., 1987.
7. Лейдерман Н. Л. Жанр и проблема художественной целостности // Проблемы литературных жанров. Томск, 1975.
8. Одуев С. Ф. Герменевтика и описательная психология в «Философии жизни» Вильгельма Дильтея // Герменевтика: история и современность. М., 1985.
9. Пресняков О. П. А. А. Потебня и русское литературоведение конца XIX — начала XX вв. Саратов, 1978.
10. Синенко В. С. Русская советская повесть 40—50-х годов. Вопросы типологии жанра // Проблемы жанра и стиля. Уфа, 1970.
11. Слово о науке. Сост. Е. Лихтенштейн. М., 1976.
12. Типология литературных стилей. Современные аспекты изучения. М., 1982.
13. Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. 2-е изд. М., 1975.
14. Чичерин А. В. Идеи и стиль. 2-е изд., доп. М., 1968.
15. Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. Повествовательная проза и лирика. 2-е изд., доп. М., 1985.
16. Чичерин А. В. О языке и стиле романа-эпопеи «Война и мир». Львов, 1954.
17. Чичерин А. В. Произведения О. Бальзака «Гобсек» и «Утраченные иллюзии». М., 1982.
18. Чичерин А. В. Ритм образа. М., 1973.
19. Чичерин А. В. Ритм образа. 2-е изд., расширенное. М., 1980.
20. Чичерин А. В. Сила поэтического слова. М., 1985.

Статья поступила в редколлегию 11.02.89